

суть таковы, каковы по оной книгѣ (т.-е. по священному писанію) пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи и химіи». Итакъ дѣятель науки приравненъ Ломоносовымъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ пророку и учителю церкви: и въ наше время немногіе рѣшались такъ высоко ставить значеніе науки. Ломоносовъ не дѣлаетъ никакой уступки изъ этого права науки и въ другую сторону—въ сторону народнаго невѣжества, которое теперь такъ усердно стараются смѣшать съ «народнымъ духомъ». Давая свой отвѣтъ ревнителямъ къ православію, онъ не забылъ и людей, «не просвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ». «Не рѣдко,—говоритъ онъ,—легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, что при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богаделенки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ объ имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ немысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ беспокоится, беспокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ». Но любопытнѣйшее изъ сочиненій Ломоносова въ этомъ отношеніи есть знаменитое «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи русскаго народа», отъ котораго къ сожалѣнію сохранилась только одна часть. Ломоносовъ ставитъ существенный вопросъ народной жизни—самое сохраненіе и размноженіе этой жизни, и наука привела его къ строгому осужденію многихъ формъ стародавняго обычая, по новѣйшимъ славянофильскимъ понятіямъ несомнѣнно принадлежащаго къ нерушимому «народному духу». Ломоносовъ не замаскировывалъ ничѣмъ слабыхъ сторонъ этого преданія и прямо отвергалъ его, когда оно противорѣчило здравому смыслу и пользѣ самаго народа. Укажемъ его разсужденія о вредѣ для народной жизни, «отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящемъ», какъ напр. о нехѣпости крестить младенцевъ въ ледяной водѣ, о заговѣньяхъ и розговѣньяхъ и т. п. Онъ сурово обличаетъ «невоздержаніе и неосторожность съ уставленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и имѣющими видъ нѣкоторой святости. Паче другихъ именъ пожираютъ у насъ масляница и св. недѣля великое множество народа однимъ только пере-